

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Б. Н. Флоря

ОЦЕНКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ДВОРЯНСКОЙ «ЧЕСТИ» И «ЧЕСТИ» ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРУГИХ СОСЛОВИЙ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА XVI–XVII в.*

Нормы памятников древнерусского законодательства XVI–XVII в. о возмещении за «бесчестье» привлекали к себе серьезное внимание исследователей второй половины XIX в. [Ланге; Бобровский]. Затем проблематика эта была надолго оставлена, и лишь в недавнее время наметилось новое обращение к ней [Коллман].

Хотя совокупность соответствующих норм рассматривалась и подвергалась определенной классификации, представляется, что некоторые важные ее особенности можно выявить при сопоставлении таких норм с такого же рода нормами памятников права, формировавшихся в обществе со сходными социальными условиями эпохи так называемого «второго издания крепостничества» — в Польше XV–XVI в. В средневековом обществе «честь» его отдельного члена имела особое значение, «честь» такого человека была тесно связана с его положением в обществе, ее наличие было обоснованием его прав на такое положение. Поэтому в средневековом обществе действия, необоснованно ставившие под сомнение «честь» того или иного человека, оценивались как тяжелое преступление. В средневековом польском праве оскорбление чести приравнивалось к убийству и каралось одинаковым штрафом [Bardach, s. 536]. Высокие штрафы за «бесчестье» устанавливал, как известно, и древнерусский церковный «Устав Ярослава».

Хорошо известно также, что в средневековом обществе и жизнь, и честь членов тех или иных социальных слоев оценивались по-разному. Нетрудно привести доказательства этого положения, обращаясь к текстам средневекового польского права. Так, за убийство шляхтича (приравниваемое к оскорблению чести) по малопольскому статуту полагалось уплатить 60 гривен, за убийство крестьянина 10 гривен (из них 4 поступали господину убитого) [Bardach, s. 534]. Намеченные здесь различия подверглись определенному углублению (и в связи с этим некоторому переосмыслению) с развитием процессов, характерных для так называемого «второго издания крепостничества». В конституциях польских сеймов XVI в. присутствует деление общества на две части — дворянство (шляхту) и «плебеев» (совокупность остальных городских и сельских жителей). Конституция 1532 г. устанавливала смертную казнь за убийство шляхтича «плебеем», а за убийство «плебея» шляхтичем уплачивалась так называемая «плебейская головщина» — сравнительно небольшой денежный штраф [Kaczmarszyk, Leśnodorski, s. 332, 339, 342].

* Статья по докладу на IX Международной конференции «Комплексный подход к изучению Древней Руси» (грант РФФИ № 17-01-14012).

Как показывает пример церковного «Устава Ярослава», в Северо-Восточной Руси XIV–XV в. также существовали разные штрафы за «бесчестье» представителей разных социальных групп с различиями гораздо более глубокими, чем в средневековом польском праве. Так, штраф за «бесчестье» жены «великих бояр» во много раз превышал штраф за «бесчестье» жены крестьянина¹. В Краткой редакции «Устава Ярослава», действовавшей в Северо-Восточной Руси в конце XIV – XV в., население делилось на «великих» и «меньших» бояр, «городских» и «сельских» людей. Гораздо более сложная структура общества вырисовывается в ст. 26 «Судебника» 1550 г., где устанавливались штрафы за «бесчестье» представителей разных социальных слоев древнерусского общества середины XVI в.²

«Крестьяне» выступают в этом тексте (пашенные и непашенные) как единая группа, размещенная в самом низу социальной лестницы. Такому человеку — «бесчестья рубль».

Другой важный слой общества — жители городов — в середине XVI в. делились на ряд социальных групп. Выше всего стояли «гости большие», которым за «бесчестье» полагалось 50 руб. Они, впрочем, даже формально не причислялись к «посадским людям». «Средним» посадским людям должны были выплачивать по 5 руб., а «черному городскому человеку молотчому» — 1 руб., как и крестьянину. Наконец, в «Судебник» включена еще одна группа, отсутствовавшая в «Уставе Ярослава». Это — «боярские люди»: «молодший» по положению приравнивался к крестьянину, а «добрый человек» — к «средним» посадским людям. При этом, однако, сделано было одно важное исключение. Те из «боярских людей», которые под руководством своего господина-наместника исполняют обязанности тиунов, доводчиков и праведчиков, могут рассчитывать на получение «бесчестья... против доходу», который приносят такие должности. Тем самым верхушка «боярских людей» ставилась выше основной массы жителей посада. Еще более важно другое. Возмещение за «бесчестье» определяется в данном случае не принадлежностью человека к определенной социальной группе, как это зафиксировано в памятниках польского и более раннего древнерусского права, а размером дохода по занимаемой им должности, то есть ценностью выполняемой им службы.

Тот же принцип использован при установлении возмещения за «бесчестье» детям боярским — основной массе представителей господствующего социального слоя. Отсутствует в этой связи какое-либо упоминание о «думных» чинах. Вероятно, возмещение за «бесчестье» для таких ситуаций определялось особым решением правителя, как и по отношению к «дьяком полатным и дворцовым». Как видно из ст. 6 «Судебника», дело в данном случае не ограничивалось выплатой штрафа — тому, кто «солжет» на таких людей, угрожала «торговая казнь» и заключение в тюрьму³. Так подчеркивалась особая ценность их и их службы.

«Дети боярские» в «Судебнике» 1550 г. делились на две части (ср. «великие» и «меньшие» бояре в «Уставе Ярослава»). Для той части детей боярских, которые принадлежали к верхам этого слоя и получали за службу в управление кормления, возмещение за «бесчестье» определялось размером дохода, «что на том кормленье доходу по книгам». Другие дети боярские, которые «емлют денежное жалование, сколько которой жалованья имал, то ему и бесчестье». Таким образом, по отношению не только к «людям боярским», но и к основной массе представителей формирующегося дворянского сословия проводился принцип, что их «честь» (и соответственно, возмещение за «бесчестье») определяется ценностью той службы, которую они несут в пользу государства.

В «Уложении о службе», как оно излагалось в правительственной летописи, подчеркивался всеобщий характер службы «с вотчин и с поместья» «и хто послужит по земли и государь их

¹ Соответственно 5 гривен золота и гривна серебра (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 113, 118–119).

² Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 238–239.

³ Там же. С. 234. Ср. соответствующий текст в так называемом «Судебнике царя Федора», где вместо слов «Судебника» 1550 г. «сверх его вины» читается: «безчестие на нем взяти» (Там же. С. 414).

жалует своим жалованьем», а «кто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имать денги за люди»⁴. Таким образом, землевладелец, который не нес службу, не получал жалованья и, соответственно, не мог рассчитывать на защиту своей «чести»⁵.

Подобные нормы в польских правовых кодексах XV—XVI в. отсутствовали по понятной причине, в это время значительная часть шляхты не несла никаких государственных обязанностей и вряд ли соглашалась бы на предоставление каких-то особых привилегий тем шляхтичам, которые находятся на государственной службе. В «Судебнике» достаточно определенно выражен взгляд на дворянство как «служилое» сословие, где общественная ценность сына боярского прямо зависит от ценности его службы. В «Судебнике» не рассматривается вопрос о «бесчестье» сына боярского, который такой службы не несет.

На какие возмещения в середине XVI в. могли рассчитывать дети боярские и что эти возмещения могут говорить об их положении в обществе?

В то время, когда составлялся «Судебник», существовала система кормлений, но к середине 50-х годов XVI в. «кормления» были ликвидированы, и это создает трудности при попытках установления, о какой величине доходов может идти речь. Источники доходов кормленщиков были достаточно многообразными [Пашкова, с. 44 и след.], но часто остается неясным, какого рода суммы они могли принести, также остается неясным, какие из этих доходов и каким способом фиксировались в упомянутых в «Судебнике» книгах. Ситуация как будто может быть выяснена с помощью обращения к земским грамотам 50-х годов XVI в., когда целые земли и волости выплачивали компенсацию за освобождение от кормленщиков. Суммы были немалыми. Так, Двинская земля должна была выплачивать 1450 руб., но на этом примере Н. Е. Носов убедительно продемонстрировал, что эта сумма значительно превышала те доходы, которые могли получать кормленщики [Носов, с. 344—346]. Вместе с тем, как показал Н. Е. Носов, анализируя так называемую «Боярскую книгу» 1556 г., на определенном этапе ликвидации системы кормлений деньги с той или иной волости выплачивались прямо бывшим кормленщикам, иногда по разделу между несколькими лицами. Приведенные данные создают представление о суммах, которые получали кормленщики. Здесь встречаются такие цифры, как 6 руб., 9 руб., 16 руб., 18 руб. (2 р.), 25 руб., 30 руб. (2 р.), 36 руб., 50 руб. (3 р.)⁶. Как показал анализ источника, проведенный Н. Е. Носовым, «Боярская книга» представляла собой перечень «дворовых» детей боярских — лиц, принадлежавших к верхам дворянского сословия и имевших право на получение кормлений [Носов, с. 404—406].

Приведенные данные позволяют сделать два замечания. Разнообразие фигурирующих в источнике сумм показывает, что оценка «чести» отдельных представителей этой группы заметно варьировала. Конечно, эти колебания происходили в рамках, заметно превышавших те суммы, которые следовало уплачивать за «бесчестье» посадским людям и тем более «боярским людям» и крестьянам. В этом, конечно, находил свое выражение привилегированный статус членов формирующегося дворянского сословия. Можно отметить, что такие возмещения за «бесчестье» превышали возмещение за «бесчестье» крестьянина не в 6 раз, как это было в польских статутах XIV в., а в значительно большем объеме, а у некоторых представителей этой группы — в 50 раз. Однако разнообразие таких оценок даже в рамках сравнительно ограниченного слоя, конечно, не содействовало консолидации дворянского сословия.

Вместе с тем, как показывают приведенные цифры, «честь» многих представителей этой привилегированной группы дворянского сословия оценивалась ниже, чем честь «больших

⁴ ПСРЛ. М., 2006. Т. 13 (первая пол.). С. 269.

⁵ Ср. предписание ст. 181 «Судебника», содержавшее запрет обращать в холопство детей боярских и их детей, «опричь тех, кого государь от службы отставит» (Памятники русского права. Вып. 4. С. 256). Такой отставленный от «службы» человек явно утрачивал свою общественную ценность.

⁶ Составлено по данным, собранным в главе V книги Н. Е. Носова.

гостей». Такому положению дел трудно указать аналогию в польском праве эпохи. Конечно, польские законодатели не могли отнести богатое купечество просто к слою «плебеев», уравнивая его с крестьянами. Поэтому, по конституциям 80-х годов XVI в., члены городских советов таких городов, как Краков, Познань, Львов и Варшава, в случае их убийства приравнивались к шляхте [Kaczmarczyk, Leśnodorski, s. 342]. Однако было невозможно, чтобы какая-то часть верхов городского населения была поставлена выше какой-то части полноправных представителей дворянского сословия, как это имело место в России. Нет возможности установить, как сложилось такое положение дел. Можно все же высказать предположение, что таким образом была признана высокая ценность «службы» «гостей» в финансовом аппарате Русского государства.

Что касается основной массы представителей дворянского сословия — провинциальных дворян и «жалованья», определявшего размер их «бесчестья», то положение дел позволяет выяснить исследование О. А. Курбатова [Курбатов]. Как показывает изучение «десятен» второй половины XVI в., денежные «оклады» (то есть суммы, на получение которых имели право те или иные дети боярские) колебались в пределах от 13—14 до 6 руб. [Курбатов, с. 248—249, 263—264, 278—279]. Очевидно, что «честь» провинциальных дворян также ценилась выше, чем «честь» крестьян и посадских людей, хотя различие в данном случае не было столь контрастным, если иметь в виду положение низших слоев дворянского сословия. Особенно сложная в этом плане ситуация складывалась на юге в условиях колонизации малозаселенного края. Так, в Каширской десятне 1570 г. отмечены люди, получавшие по 4 руб. жалованья [Курбатов, с. 274], а в некоторых других южных уездах зафиксированы люди, зачисленные в «полковую службу» «с пищалю» и без жалованья [Курбатов, с. 282]. Эти члены дворянского сословия, вероятно, не могли рассчитывать на признание за ними такой же «чести», как «средние» посадские люди.

В середине 50-х годов XVI в. система кормлений была ликвидирована, и, соответственно, для верхов дворянского сословия — кормленщиков — были установлены денежные «оклады» — размер «жалованья», которое они должны были получать за «службу» взамен утраченных доходов.

Как было отмечено выше, так называемая «Боярская книга 1556 г.» дает список представителей этого круга людей с указанием их денежных окладов⁷. «Боярская книга» представляет собой список детей боярских, поделенный на статьи с 25 по 11 с постепенным повышением денежных окладов от 6 до 50 руб. (в 11-й ст.), и начиная со ст. 17 разница окладов между статьями составляет 5 руб. Это позволило исследователям реконструировать несохранившуюся начальную часть списка (статьи с 10 по 1) с денежными окладами от 55 до 100 руб. [Носов, с. 396]. Привлечение этих данных показывает еще сильнее тот глубокий контраст между оценкой «чести» крестьянина и дворянина, который не отмечается в такой форме в памятниках польского права. «Честь» сына боярского I статьи оценивалась в 100 раз выше, чем «честь» крестьянина или «молодшего» посадского человека. При этом следует учитывать, что обладатели думных чинов могли и не входить в этот список и иметь более высокие оклады.

Обращает на себя внимание отсутствие норм возмещения за «бесчестье», нанесенное духовным лицам.

В конце XVI в. на русском Севере была создана особая обработка «Судебника» 1550 г., когда текст памятника оказался дополнен рядом новых норм. Новые нормы касались положения крестьян, посадских людей и духовенства. Ряд норм был связан с положением крестьянской верхушки, из среды которой выходили выборные власти, игравшие важную роль в самоуправлении на черносошных землях русского Севера. Положение крестьянской верхушки в целом определялось ст. 52 памятника, в которой «доброму крестьянину, которой торгует или деньги и рожь взаимы дает», «бесчестье» составляло не 1, а 3 руб., а для представителей выборных

⁷ См. указание в тексте источника: «по окладу бояр... велели давать Ивану за кормленье по 15 рублей на год» (цит. по: [Носов, с. 412]).

судебных властей — судьям и судебным целовальникам, губному старосте — устанавливалось «бесчестье» 5 руб., как «средним» посадским людям⁸. Являясь на этих землях своеобразной властью, они могли пополнять «Судебник» такими нормами и добиваться их выполнения.

Говоря о посадских людях, составители «Судебника» дополнили установление «Судебника» 1550 г. двумя новыми статьями, предписывавшими возмещение за «бесчестье» «среднему гостю» 20 руб., «меньшему» гостю — 12 руб.⁹ Комментируя этот текст, А. И. Копанев справедливо оценил его как определенную реакцию на создание в последней трети XVI в. «гостиной» и «суконной» сотен¹⁰. Действительно, русский Север был объектом активной деятельности привилегированного московского купечества. К тому же, по «Соборному уложению» 1649 г., для людей «гостинные сотни большой статьи» устанавливалось возмещение за «бесчестье» 20 руб.¹¹ Как бы то ни было, в конце XVI в. памятник права выделяет целую группу представителей купечества (помимо «гостей»), «честь» которых оценивается более высоко, чем «честь» провинциальных дворян. В данном случае с гораздо большей уверенностью, чем ранее, можно говорить о том, что так оценивалась важность их службы в финансовом аппарате монархии.

Обработка «Судебника» включала в себя и ряд норм, касавшихся «бесчестья» духовных лиц, о которых в «Судебнике» 1550 г. ничего не говорилось. Согласно этому источнику, «бесчестье» приходского священника и других членов клира приходского храма определялось размером «доходу... что от церкви доидет»¹². В одной из статей такой доход назван «волостным». Очевидно, имелась в виду «руга», выделенная волостью на содержание клира находившегося на ее территории храма. Тем самым «бесчестье» священника оказывалось в зависимости от ценности его деятельности, которая в данном случае определялась не властью, а коллективом светских патронов в соответствии с нормами местного права.

Что касается монахов и монахинь, проживавших в этом регионе, то для них размер «бесчестья» устанавливал «святитель»¹³. Возможно, поэтому нормы, определявшие «бесчестье» духовных лиц, и отсутствовали в «Судебнике» 1550 г.

Сложившаяся совокупность норм была серьезно пересмотрена и пополнена при составлении «Соборного уложения» 1649 г. Целый комплекс соответствующих норм изложен в ст. 27–99 X главы этого памятника.

Согласно общепринятой иерархии вначале речь шла о «бесчестье» духовных лиц, затем разных категорий дворянства, а затем — городского и сельского населения. В «Соборном уложении» дворянское сословие четко делится на две группы — думные чины и остальные представители дворянского сословия. «Честь» думных чинов ограждается в «Соборном уложении» самыми суровыми санкциями. Так, если такого человека «обесчестит» кто-либо из представителей городского или сельского населения (начиная с членов «гостинной» и «суконной» сотен), то за это следовало «бити кнутом» и помещать в тюрьму на две недели¹⁴. Лишь духовные лица, члены дворянского сословия и гости должны были в этом случае выплачивать «думным людям» «за бесчестье» «против их окладов, что кому государева денежного жалованья». Речь шла, как видно из контекста, о немалых суммах, так как предполагалось, что виновный может оказаться не в состоянии заплатить требуемую сумму. В таком случае даже с духовных лиц следовало «править бесчестье нещадно», а оскорбителя — светское лицо следовало «бити кнутом»¹⁵.

⁸ Памятники русского права. Вып. 4. С. 420.

⁹ Там же. С. 419.

¹⁰ Там же. С. 450.

¹¹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 37. О времени создания «гостиной сотни» см.: [Голикова, 1998, с. 217–218].

¹² Памятники русского права. Вып. 4. С. 420.

¹³ Там же.

¹⁴ Соборное уложение 1649 года. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 36–37.

О каких суммах могла идти речь, показывают сведения о боярских окладах в 1667 г. При получении боярского чина оклад составлял 400 или 500 руб., но в дальнейшем мог существенно увеличиться. Так, оклад князя Ю. А. Долгорукого составлял в этом году 920 руб. К 1676 г. размеры боярских окладов еще выросли [Правящая элита, с. 448–449]. Если учесть, что для крестьянина штраф за «бесчестье» составлял, как и ранее, «по рублю человеку»¹⁶, то мы имеем дело со столь глубокими различиями, каких не знало право крепостнической Польши.

К этому следует добавить, что в некоторых ситуациях дело не ограничивалось выплатой «бесчестья» в размере боярского оклада. Карательные санкции повышались, если оскорбление имело место во время пребывания оскорбленного на службе. Оскорбленный судья мог на клеветнике «доправить бесчестье втрое»¹⁷.

От обладателей думных чинов заметно отличались остальные представители дворянского сословия (от стольников и дворян московских до городских детей боярских). Им следовало удовлетвориться взиманием штрафа за «бесчестье», очевидно, в соответствии с их денежными окладами. Таким образом, дворянство и в середине XVII в. оставалось «служилым» сословием, когда «честь» того или иного его члена определялась ценностью его службы.

Нужно отметить еще некоторые важные особенности того раздела «Соборного уложения», где говорилось о «бесчестьи» детей боярских (ст. 93 X главы). Здесь в одном ряду с ними были помещены дьяки и подьячие, дворовые люди и всяких чинов люди, «которые государевым денежным жалованьем верстаны»¹⁸. В одной из последних глав «Соборного уложения» говорилось о «бесчестье» атаманов и казаков. Возмещение для них следовало также «править против их денежных окладов»¹⁹.

Таким образом, дети боярские выступают в соответствующем разделе «Соборного уложения» как часть более широкой общности людей — получателей «государева денежного жалованья» и подчиняются общим нормам для всей этой общности. Пользуясь терминологией памятников польского права XVI в., здесь соединены вместе и дворяне, и «плебеи». Из общества резко выделена только верхушка дворянского сословия — думные чины.

Оклады людей, принадлежавших к этой верхушке (а следовательно, и оценка их чести), заметно выросли на протяжении XVII в. Если в боярской книге 1628/1629 г. наиболее высокие оклады составляли 600–700 руб. [Иванов, Приложение, с. 5], то в боярской книге 1676 г. некоторые оклады приближались к 1000 руб., а некоторые превышали эту цифру [Правящая элита, с. 449]. Эти цифры есть смысл сопоставить с положением низов дворянского сословия — городских детей боярских. По отношению к ним параметры, отмеченные в работе О. А. Курбатова, сохраняются и в XVII в. «Жалованье», которое получал этот круг людей, «не превышало 14 руб., а иногда было в два и более раза ниже» [Лаптева, с. 102]. Обращение к десятням южных городов второй половины XVII в. показывает, что в их составе отмечены люди, получающие жалованье в размере 4–5 руб.²⁰ В «десятнях» нередки случаи, когда жалованье не назначается в связи с неспособностью нести службу и отсутствием поруки окладчиков [Лаптева, с. 104, 111, 121–122].

Очевидны глубокие контрасты между положением знати и положением бедных низов дворянского сословия. Такие различия не были характерны только для России. Подобные контрасты нетрудно отметить и в Польше XVII в. Особенность России состоит в том, что эти различия получают отражение в оценке «службы», а затем в производной от этой оценки — оценке «чести». «Честь» члена Боярской думы оценивается во многие десятки раз больше,

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 132.

²⁰ Десятни Пензенского края // РИБ. СПб., 1898. Т. XVII. Стб. 54, 66, 201 и др.

чем «честь» городского сына «боярского». В этом отличие от памятников польского права с их представлением о нормах, определяющих положение дворянина — шляхтича как такового. Правда, существовал ряд ограничений для бедной, безземельной части шляхты (*impossessionati*) [Bardach, s. 422]. Однако по отношению к основной части дворянства подчеркивалось юридическое равенство всех членов, как оскорбление оценивалось утверждение, что такой-то является «худшим» шляхтичем [Bardach, s. 422].

Большая часть новых статей X главы «Соборного уложения» посвящена установлению норм возмещения за «бесчестье» для духовных лиц. При отсутствии у духовных лиц денежных окладов необходимо было установить определенные ставки возмещения за «бесчестье»: «митрополиту за бесчестье четыреста рублей, архиепископу триста рублей, епископу двести рублей»²¹. Для сравнения отметим, что в 60-е годы XVII в. для лиц, впервые получавших чин боярина, оклад составлял 400–500 руб., окольного — 300 руб., думного дворянина — 250 руб. [Правящая элита, с. 448, 450–451]. Таким образом, за исключением патриарха, «бесчестье» которого в любом случае влекло за собой наказание²², церковные иерархи в случае их оскорбления думными людьми могли рассчитывать на возмещение несколько меньшее, чем возмещение, которое следовало обладателям думных чинов. С обладателями думных чинов иерархов сближала та особенность их статуса, что их «бесчестье» со стороны лиц, принадлежащих к дворянству, и лиц, принадлежащих к остальному населению, каралось наказанием и заключением в тюрьму²³.

Другой важный верхний слой духовного сословия образовывало духовенство главных наиболее влиятельных мужских обителей страны. В X главе «Соборного уложения» помещен перечень 49 монастырей, размещенных в самых разных частях страны, входивших в «Лествицу властей», составленную патриархом Иоасафом около 1636 г. Возмещения за «бесчестье» следовали в перечне по убывающей степени — от 100 руб. за «бесчестье» архимандрита Троице-Сергиева монастыря до 15 руб. игумену Воздвиженского монастыря на Арбате²⁴. В начальной части перечня указывалось возмещение за «бесчестье» настоятеля, келаря, казначея и соборных старцев, но с половины перечня отмечалось возмещение за «бесчестье» лишь монастырским властям.

Из этой совокупности духовных лиц наиболее привилегированной группой были настоятели обителей. По отношению к ним в перечне фигурируют следующие цифры: 100 руб. — 1; 90 руб. — 1; 80 руб. — 1; 70 руб. — 1; 60 руб. — 5; 50 руб. — 4; 45 руб. — 1; 40 руб. — 3; 35 руб. — 1; 30 руб. — 7; 25 руб. — 2; 20 руб. — 17; 15 руб. — 3. Эти цифры, конечно, нельзя сопоставить с окладами думных чинов, но есть смысл сравнить их с денежными окладами более низких чинов государева двора — стольников, стряпчих и дворян московских: оклады стольников колебались, как правило, в пределах 30–50 руб., стряпчих и дворян московских — 20–50 руб. [Правящая элита, с. 452–453]. Как показывает сравнение, «честь» настоятелей ряда наиболее известных обителей (таких, как Троице-Сергиев, Чудов, Новоспасский и некоторые другие) ограждалась суммами более высокими, чем типичные оклады столпников и стряпчих, а штрафы за «бесчестье» остальных настоятелей можно сравнить с их окладами. Однако уже другие начальствующие лица монастыря — келарь и казначей — могли рассчитывать на гораздо меньшие суммы, еще меньшими суммами возмещалось «бесчестье» соборных старцев этих привилегированных обителей. Лишь соборным старцам Троице-Сергиева монастыря штраф за «бесчестье» должен был выплачиваться в размере 40 руб., а Кирилло-Белозерского монастыря — 30 руб., сравнимом с окладами дворовых чинов; старцы ряда обителей в начальной части перечня могли

²¹ Соборное уложение 1649 г. С. 34.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 35–36.

рассчитывать на суммы в 15–20 руб. Для соборных старцев бóльшей части вошедших в перечень обитателей штраф за «бесчестье» составлял 5 руб., то есть по нормам «Соборного уложения» их «бесчестье» приравнялось к «бесчестью» посадских людей «меньшей статьи»²⁵. Что касается обитателей, не входивших в «Лествицу властей», то для них в ст. 81–82 главы X «Соборного уложения» устанавливались следующие ставки возмещения за «бесчестье»: архимандриту — 10 руб., игумену — 8 руб., казначею и келарю — по 6 руб., старцам — 5 руб.²⁶

Стоит соотнести эти цифры со штрафами за «бесчестье» разным слоям посадских людей — «лутчим людем» — 7 руб., «средним» — 6 руб., «меньшой статьи» — 5 руб.²⁷ Если монастырские власти могли рассчитывать на возмещение, как «лутчие» и «средние» посадские люди, и даже выше, то «бесчестье» бóльшей части этих монахов оценивалось так же, как «бесчестье» посадских людей низших слоев.

Ряд статей X главы «Соборного уложения» определял возмещение за «бесчестье» другой части духовного сословия — приходского духовенства. И здесь специально выделяется немногочисленная привилегированная верхушка — клир главных кремлевских соборов. Так, специально устанавливались возмещения за «бесчестье» клиру главного храма Московской патриархии — Успенского собора: протопопу — 50 руб., протодиакону — 40 руб., ключарям — по 30 руб., попам — по 25 руб., дяконам — по 15 руб.²⁸ Если не считать дяконов, основные ставки вполне соотносимы с окладами чинов государева двора. Характерно, что протопопу Благовещенского собора штраф за «бесчестье» устанавливался вдвое бóльший, чем протопопу Успенского собора, — 100 руб., так как он «государев духовник». Что касается остального клира Благовещенского собора, то этим людям устанавливалось возмещение за «бесчестье» «против государева жалованья денежные руги».

Уже в северно-русской обработке «Судебника» 1550 г. указывалось, что возмещение за «бесчестье» священника определяется размером дохода, который он получает от «волости», то есть от того, как волостные власти определяют ценность его службы. В «Соборном уложении» возмещение за «бесчестье» членов клира определяется размером «руги», ее эти люди получают от государства, которое тем самым определяет ценность их «службы». Приходское духовенство выступает как своеобразная «служилая» часть духовного сословия. В ст. 87 «Соборного уложения» так и указывалось, что «городовых соборных церквей» клиру «бесчестье править против их денежных окладов», то есть употреблялись те же формулы, что и при определении возмещения за «бесчестье» детей боярских.

Сложность положения состояла в том, что в отличие от детей боярских не все духовенство получало «ругу» от государства. По отношению к городским храмам, клир которых не получает «руги», было установлено, что в этом случае возмещение за «бесчестье» должно составлять половину возмещения за «бесчестье» членам клира городского собора, получавшим «ругу»²⁹. Для остального духовенства — «уездных и безместных» попов — устанавливалось возмещение за «бесчестье» в размере 5 руб. (ст. 89). Таким образом, бóльшая часть монашества и приходское духовенство в сельских местностях приравнялись по своему положению к низам посадской городской общины.

К этому следует добавить, что если в конце XVI в. размер «бесчестья» для монахов устанавливал «святитель» (см. об этом выше), то теперь это делала государственная власть, и дела о «бесчестьи» духовных лиц должны были рассматриваться в светских учреждениях — приказах³⁰.

²⁵ О «бесчестье» посадских людей см.: Соборное уложение 1649 г. С. 37.

²⁶ Там же. С. 36.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 37, ст. 85.

²⁹ См. ст. 86, 89 X главы «Соборного уложения».

³⁰ См. ст. 4 XIII главы «Соборного уложения».

Установленные нормы, как известно, столкнулись с острым протестом в челобитной, поданной царю: «Если и придется кому заплатить за бесчестье попа или дьякона, то бояться нечего, потому что по благому совету бояр твоих бесчестье положено очень тяжкое... пять рублей. И ныне похвальное слово у не боящихся Бога дворян и боярских людей: бей попа, что собаку, лишь бы жив был, да кинь 5 рублей»³¹. Ощущение низами духовенства своего приниженного, неполноправного положения по отношению к детям боярским и их слугам выражено в челобитной с большой силой.

Далее в челобитной читается: «Иноземцы удивляются, а иные плачут, что так обесчещен чин церковный»³². Подтекст этих слов станет понятным, если учесть, что в соседней католической Польше все дела, касавшиеся духовных людей, рассматривал духовный суд (*privilegium fori*) [Bardach, s. 274–275, 481–482; Kaczmarczyk, Leśnodorski, s. 81–82, 219].

Все особенности норм «Соборного уложения», касавшихся духовенства, показывают, что, хотя по традиции духовное сословие занимало первое почетное место на лестнице социальной иерархии, даже епископат по своему положению стоял ниже думных чинов, а положение больших слоев духовного сословия такому месту вообще не соответствовало, что было, по-видимому, отчасти результатом растущего подчинения духовного сословия государственной власти. И здесь налицо были значительные различия в оценке «чести» верхов и низов, хотя и менее контрастные, чем в случае с дворянским сословием.

«Бесчестью» посадского населения в «Соборном уложении» было посвящено гораздо меньше внимания. Здесь, как и ранее, устанавливались фиксированные ставки возмещения для разных слоев населения. Самый верхний слой посадского населения в середине XVII в., как и в середине XVI в., образовывали «гости». Как и в середине XVI в., им за «бесчестье» следовало выплатить 50 руб., как, например, царским стольникам. Вместе с тем «Соборное уложение» позволяет наметить некоторые особенности их статуса, выделяющие их из среды остального городского населения. Если в ст. 94 «Соборного уложения» «гости» открывают перечень возмещений за «бесчестье» для разных слоев городского и сельского населения³³, то иную картину обнаруживаем в статьях, посвященных возмещению за «бесчестье» думных чинов (ст. 91–92)³⁴. Если представителей «тяглого» населения ожидали в этом случае наказания и тюремное заключение, то дети боярские и «гости» должны были выплачивать штраф за «бесчестье». Тогда «гости» объединялись с детьми боярскими и отделялись от всего остального городского населения.

Далее на лестнице социальной иерархии в ст. 94 «Соборного уложения» фигурировали члены «гостиной сотни» и «суконной сотни». Те и другие делились на три «статьи», с установлением для каждой из них возмещений за «бесчестье»: для «гостиной сотни» — 20, 15 и 10 руб., для «суконной сотни» — 15, 10 и 5 руб. Эти оценки были перенесены в свод законов из жалованных грамот гостям и гостиной сотне 1613 г. и суконной сотне 1625 г. [Голикова, 2012, с. 44, 47–48, 54]. Не исключено, что такие штрафы за «бесчестье» были установлены уже во время создания «сотен». Как показано в исследовании Н. Б. Голиковой, уже в начале XVII в. государственная власть занималась формированием «гостиной сотни», удаляя из нее одних людей и включая других (в том числе и переселенцев) [Голикова, 2012, с. 224–229, 236, 245 и др.]. Очевидно, и деление этих людей на «статьи» проводилось государственным аппаратом, где учитывалось материальное состояние соответствующих людей и (в связи с этим) их способность нести те или иные «службы». Государственные чиновники, вероятно, устанавливали и размеры штрафов за «бесчестье». По-видимому, аналогичным образом обстоит дело и с формированием «суконной сотни».

³¹ Цит. по: [Соловьев, с. 209].

³² Цит. по: [Соловьев, с. 209].

³³ Соборное уложение 1649 г. С. 37.

³⁴ Там же.

Установленные размеры возмещения представляет интерес соотнести с возможными возмещениями для членов нижних слоев дворянского сословия. Если учесть, что в десятиях XVII в. денежные оклады (как отмечалось выше) составляли от 13–14 до 6 руб., то получается, что члены всех статей «гостиной» сотни и первых статей «суконной» сотни могли рассчитывать на возмещение за «бесчестье» аналогичное тому, на которое могли рассчитывать провинциальные дети боярские, а может быть, и выше. Такого не могло быть в польском праве XVI–XVII в., где существовала резкая разница между штрафами за убийство «дворянина» и «плебея». Власти ряда наиболее крупных городов приравнивались к шляхте, но не могли рассчитывать на более высокое возмещение, чем возмещение шляхтича.

При назначении штрафов за «бесчестье» членам посадской общины и категории, на которые делится посад, и ставки штрафов отличались от норм «Судебника» 1550 г. Если посад в «Судебнике» 1550 г. делился на «гостей», «средних» и «молодших» людей, то в «Соборном уложении» посад кроме «гостей» и членов «гостиной» и «суконной» сотен делился на «лутчих людей», «средних» людей и «молодших» людей. Для «лутчих» людей по «Соборному уложению» устанавливалось возмещение 7 руб., «средних» — 6 руб., «молодших» — 5 руб.³⁵ Можно заключить, что посадские люди могли рассчитывать на такое же возмещение за «бесчестье», как и люди, принадлежавшие к нижним слоям дворянского сословия. Особенно следует отметить изменение положения «молодших» людей. В «Судебнике» 1550 г. «молодой» человек мог рассчитывать на возмещение в 1 руб., как и крестьянин. Теперь штраф за «бесчестье» «молодшего» человека был увеличен в 5 раз, и тем самым была проведена грань между горожанами и крестьянами «дворцовых сел и черных волостей» и частновладельческими и церковными крестьянами, которые, как и ранее, могли рассчитывать лишь на возмещение в 1 руб.³⁶ Не произошло объединения городских и сельских жителей в один слой «плебеев». Возможно, сыграла свою роль активность посадских представителей при подготовке «Соборного уложения». В положении крестьян, как видим, никаких перемен не произошло. Различие между ними и верхами общества еще сильнее увеличилось с ростом окладов верхушки дворянского сословия.

Рассмотренный комплекс юридических норм дает возможность выделить некоторые важные особенности социальной организации русского общества XVI–XVII в. Как и в других странах средневековой Европы, возмещение за «бесчестье» и здесь было тесно связано с социальным статусом пострадавшего. Чем выше было его положение на лестнице социальной иерархии, тем на более высокое возмещение он мог рассчитывать. Для древнерусской модели характерна большая глубина различий между возмещениями привилегированной верхушке — думным чином и возмещением людям, стоящим на самом низу социальной лестницы. Различия эти с течением времени не сглаживались, а углублялись. Они были более значительными, чем это можно наблюдать в памятниках польского права.

Очевиден привилегированный статус формирующегося дворянского сословия, «честь» которого ограждают в «Соборном уложении» карательные санкции (по отношению к думным чином) и гораздо более высокое возмещение за «бесчестье», чем у посадских людей и крестьян.

Вместе с тем этот привилегированный статус носит особый характер. Он связан не с социальным статусом боярина или сына боярского, а с характером его «службы», ее ценностью с точки зрения государственной власти. Возмещение соответствует денежному окладу, а его размер определяется ценностью «службы» и ее успешным выполнением. Отсюда — отсутствие в соответствующей сфере каких-либо общих норм, большое разнообразие реальных размеров возмещения для представителей разных слоев дворянства. Следует учитывать и возможность того, что сын боярский, не явившийся на службу и не получивший оклада, не мог рассчитывать на возмещение за «бесчестье».

³⁵ Там же. С. 37.

³⁶ Там же. С. 37–38.

В некоторых статьях «Соборного уложения» дворянство выступает как часть более широкой общности «служилых людей», чье вознаграждение за «бесчестье» также определяется ценностью их «службы». В «Соборном уложении» такие принципы подхода распространяются на духовенство городских церквей, возмещение за «бесчестье» которого определяется размером «руги», которую выделяет для него государство.

Ничего подобного памятники польского права не знают, определяя разного рода санкции, ориентируясь на принадлежность человека к дворянскому сословию и не интересуясь его «службой» и вообще ее наличием. Все это говорит о большой роли «службы» в отношениях между государственной властью России и ее дворянским сословием и рядом других общественных слоев.

Выбор такого критерия, как «служба», при оценке возмещения за оскорбление чести определил особое положение в этой системе отношений привилегированного купечества. Его «службы» в финансовом аппарате монархии имели для власти важное значение. Важность этих «служб» была оценена так высоко, что первые «статьи» «гостиной» и «суконной» сотен могли рассчитывать на возмещение большее или не уступающее возмещению за «бесчестье» «городовых» детей боярских, а «гости» могли претендовать на такое же возмещение, как царские стольники. Само деление на «статьи» предполагало возможность улучшения статуса благодаря службе. Этим система возмещений в русском праве отличалась от системы возмещений в польском праве XVI–XVII в. с его последовательным разграничением «шляхты» и «плебеев». Положение самых нижних слоев дворянского сословия в этой системе отношений практически приравнивалось к положению посадских людей.

Большим своеобразием отличалось положение разных частей духовного сословия. Из его состава выделялась особая привилегированная верхушка, состоявшая из церковных иерархов, настоятелей наиболее почитаемых обителей, клира главных кремлевских соборов. Эти люди образовывали важную часть социальной верхушки русского общества наряду с думными чинами, что нашло свое выражение в характере установленных для них возмещений за «бесчестье».

Значительная часть духовенства — клир городских соборов — могла рассчитывать на возмещение за «бесчестье» «против их окладов», определявшихся размером полученной от государства «руги». «Честь» клира того или иного храма зависела от того, насколько государственная власть будет довольна его службой.

Что касается провинциального монашества и сельского духовенства, то теперь они приравнивались по своему положению к низшим слоям посадской общины. Таким образом, их «служба» оценивалась достаточно низко и не было возможности как-то улучшить положение. Никакого деления на «статьи» в соответствующих разделах «Соборного уложения» не было. По-видимому, развернувшееся к этому времени движение «ревнителей» — реформаторов церковной и общественной жизни не охватывало своим вниманием эту наиболее многочисленную часть духовного сословия.

Как уже отмечалось, в католической Европе все дела, касавшиеся духовных лиц, рассматривал церковный суд, и он же устанавливал наказания за совершенные по отношению к ним проступки. Подобные порядки существовали, по-видимому, и в России. В обработке «Судебника» 1550 г., сделанной во второй половине XVI в. на русском Севере, не случайно отмечалось, что возмещение за «бесчестье» для монахов и монахинь назначает «святитель». «Соборное уложение» само установило нормы и вывело рассмотрение соответствующих дел из ведения церкви. Тем самым сложилась система отношений, охватывающая все общество и подчиненная некоторым общим критериям, установленным властью.

Литература

- Бобровский П. О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII в. СПб., 1889.
- Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. М.—СПб., 2012.
- Иванов П. И. Описание Государственного Разрядного архива. М., 1842.
- Коллман Н. Ш. Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
- Курбатов О. А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558—1583 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 236—295. URL: http://www.milhist.info/2013/08/14/kurbatov_3 (дата обращения: 10.09.2017).
- Ланге Н. И. О наказаниях и взысканиях за «бесчестье» по древнему русскому праву // ЖМНП. 1859, июнь, отд. II.
- Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.
- Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
- Пашикова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000.
- Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI (Т. 11—12).
- Bardach J. Historia państwa i prawa Polski t. I. Do połowy XV wieku. Warszawa, 1965.
- Kaczmarczyk Z., Leśnodorski B., Historia państwa i prawa Polski t. II. (od połowy XV wieku do r. 1795). Warszawa, 1968.